

УДК: 894

Райымжанова М.

Райымжанова Мехрибан – магистрант, НГУ имени С. Нааматова

**ЕСЕНИНДИН ЧЫГАРМАЧЫЛЫГЫНДА ЛИРИКАЛЫК КААРМАНДЫН
ЭВОЛЮЦИЯСЫ УЛУТТУК МҮНӨЗДҮН КӨРСӨТҮҮЧҮСҮ КАТАРЫ**

**ЭВОЛЮЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ КАК ВЫРАЗИТЕЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕСЕНИНА**

**EVOLUTION OF A LYRICAL HERO AS AN EXPRESSION OF NATIONAL
CHARACTER IN YESENIN'S WORK**

***Аннотация.** Есениндин чыгармачылыгы орус элинин улуттук аң-сезимин ачып берет. Чыгармачылыктын мезгилге бөлүнүшү поэтикалык “мендин” билдируү формаларынын ырааттуу өзгөрүшү: “Момун кечилден”, “Үчүнчү Келишимдин” пайгамбарынан, романтик козголоңчудан, хулиган акындан “20-кылымдын Пушкинине” чейин. ", лирикалык баатыр Есениндин улуттук мүнөзүн айгинелейт.*

***Аннотация.** Творчество Есенина раскрывает национальное сознание русского народа. Периодизация творчества представляет собой последовательную смену форм выражения поэтического «я»: от «смирненного инока», пророка «Третьего завета», романтического бунтаря, поэта-хулигана до «Пушкина XX века», в чем и проявляется национальный характер лирического героя Есенина.*

***Abstract.** Works of Yesenin reveal the “national mind” of the Russian people. The temporal spread of his work represents the consecutive change in expression of his poetical “me” forms: from “humble monk”, “The Third Testament” prophet, romantic rebel, poet-bully, to 20th century Pushkin, and it is in these traits that Yesenin’s lyrical hero finds his national character.*

Ачкыч сөздөр: Ортодоксалдык, улуттук, амбиваленттик, эволюция, лирикалык баатыр, адабий маска.

Ключевые слова: православие, национальное, амбивалентность, эволюция, лирический герой, литературная маска.

Key words: Orthodoxy, national character, ambivalence, evolution, lyric hero, literature mask.

Народность творчества писателя или поэта определяется не только способностью автора создавать в художественном произведении национальные характеры и типажи, но и его талантом выражать мироощущение народа, особенности национального сознания и понимания национальной действительности. Необходимость разобраться в этой проблеме требует обращения к вопросу о сущности национального характера, который является внутренне обусловленной структурой. Национальное своеобразие русских определяется «двоецентрием» коллективной души, которое обуславливает не только разнообразие национальных типов, но и «объясняет природу исторического движения, драму расколов, кризисов и самую возможность развития» русского человека и общества.

В настоящее время в есениноведении сложился ряд подходов к рассмотрению периодизации творчества Есенина. Опираясь на исследования А.Н. Захарова, Н.И. Шубниковой-Гусевой, О.Е. Вороновой, С.Н. Пяткин убедительно доказывает, что авторский житнетекст Есенина строится как последовательная смена форм выражения поэтического «я»: от «смирненного инока» (в поэзии 1914- 1916 гг.), до «пророка «Третьего завета» (поэзия 1917-1921гг.), романтического бунтаря, поэта-хулигана (1920-1921 гг.) и, наконец, в последний период творчества - «Пушкина XX века» [3, с. 42].

Рассмотрение национального характера лирического героя и его эволюции в контексте предложенной смены образов представляется нам наиболее продуктивным. Есенин входит в литературу в образе «тихого отрока», «смирненного инока». Лирический герой ощущает жизнь как радостное служение Богу, непрестанную литургию и славословие земной красоте [4, с. 80-105]. Любуясь каждым проявлением земного бытия, герой видит в нем отражение божественной сущности, угадывает в зримом чудесное и стремится его познать: Кто-то в солнечной сермяге/На осленке рыжем едет./Прядь волос нежней кудели,/Но лицо его туманно./Никнут сосны, никнут ели/И кричат ему: «Осанна!» [7, с. 55]. Ощущая предстоящий ему мир как «значную» систему, в которой земное является символическим раскрытием небесного, а нетленная красота тварного мира обнаруживает «идеальное» в человеке и его бытии, лирический герой выражает свойственный национальному мироощущению «принцип двойного зрения»: Между сосен, между елок,/Меж берез кудрявых бус,/Под венком, в кольце иголок, /Мне мерещится Иисус [7, с. 56]. Жизнь со сложившимся бытом является закономерным продолжением вселенского, которое не кажется ему чуждым и холодным: Не гнетет немая млечность,/Не тревожит звездный страх./Полюбил я мир и вечность,/Как родительский очаг./Все в них благостно и свято,/Все тревожное светло... [7, с. 85].

Нерасторжимость космологического, религиозного и социального пластов материнского начала раскрывают женственность русской религиозности [2, с. 234] и характеризуют национальный тип мышления: О Мать Божья,/Спади звездой/На бездорожье в овраг глухой/Пролей, как масло,/Власа луны/В мужичьи ясли/Моей страны [7, с. 119]. В образе Богородицы «не юном, не старом, словно безвременном, как на православной иконе», русский народ «читит небесную красоту материнства». Поэтому и земля, пронизанная Богородичной сущностью, осмысливается им как заступница, подательница благополучия, утешительница. Покров Богоматери, на который уповает русский человек, переносится и на сущность матери-земли, которой так же, как и Пречистой Деве, «можно каяться в грехах»: И часто я в вечерней мгле,/Под звон надломленной осоки,/Молюсь дымящейся земле/О невозвратных и далеких [7, с. 71]. Сращение понятий «красоты» и «добра», приводит человека к осознанию того, что только законы добра, милосердия и любви могут скрепить хрупкий мир людей: Кто-то учит нас и просит/Постигать и мерить./Не губить пришли мы в мире,/А любить и верить! [8, с. 29]. Именно эти ценности легли в основу поведенческого комплекса русского человека, которого

отличают спокойствие и умиротворение, мягкость, терпимость, благодушие, дар «вчувствования». Но главной, определяющей нормативный каркас идеалов, смыслообразующей духовной основой жизни для славян является православие. Ф.М. Достоевский, указывая на то, что «все народные начала у нас сплошь вышли из православия» [6, с. 202], акцентировал внимание на «бессознательном» знании Христа русским народом.

В «зачарованности всем смиренным, униженным, падшим» [3, с. 439] кроется глубокое религиозное убеждение русского человека о всеобщей греховности людей. В народном понимании в низости мира виноваты все, значит, никто не застрахован от падения. Не отвергает для себя такой возможности и лирический герой Есенина: И меня по ветряному свею,/По тому ль песку,/Поведут с веревкою на шее/Полюбить тоску... [7, с. 69]. Сознание народа цельно: закон не разделяет мира и преступника, каждый ответственен за всех, – в этой направленности раскрывается соборное мышление русского народа, воспитанное православной духовностью и объединяющее крестьянский мир: Знаю, мать-земля черница,/Все мы тесная родня [7, с. 98].

Русский человек не может и не хочет довольствоваться только земным бытием, несмотря на то, что наполненная Святым Духом жизнь в сознании народа и лирического героя благословенна: Все встречаю, все приемлю./Рад и счастлив душу вынуть./Я пришел на эту землю,/Чтоб скорей ее покинуть [7, с. 39]. Тоска о неведомом обусловили в русском народе жажду духовного обогащения, стремление к полноте восприятия Христа, что выразилось в таком характерном русском явлении, как странничество. В «беспокойном и мятежном русском скитальчестве» как «явлении глубоко национальном» [1, с. 303] раскрывается святое беспокойство, поиски «небывалой, несбыточной святости в потонувшем Китеже». Не случайно и очень показательно, что лирический герой периода 1914-1917 гг. предстает в образе «странника убогого». В образе лирического героя пророка «Третьего завета» раскрывается исторически сформированная в характере русского человека обусловленность располагать свои идеалы в той или иной крайности и развиваться в метании от одной к другой. Податливость русского характера, способность и потребность увлекаться, свойственные ей «сентиментальные иллюзии», «тяга к индивидуализации» (И. Ильин) стали причиной смены духовных ориентиров в миропонимании лирического героя. В маске нескованного жизненными обстоятельствами дерзающего скитальца и бродяги проявляются подспудно существующие, осознаваемые и ощущаемые деструктивные стихии: Не ищи меня ты в Боге,/Не зови любить и жить.../Я пойду по той дороге/Буйну голову сложить [9, с. 120-121].

В попытке создания лирическим героем новой онтологии бытия раскрывается вырвавшаяся из рамок волевой сосредоточенности и самоограничения стихийность русской души, которая приводит человека к отвержению окружающего и отрицанию Истины. Последней стадией этого развития стало богоборчество лирического героя. Важно, что цикл произведений «необиблейского» эпоса и лирики революционных лет 1917- 1919 гг. является «глубоко национальным по духу» [4, с. 361].

В стремлении лирического героя изменить мир, в нарастании преображенческих идей выражается «русское мессианское сознание и его метаморфозы во время революции» [15, с. 110]. Здесь воплотилась вера народа в особое духовное и историческое призвание России, где место внешней пассивности восприятия мира занимает преобразовательная активность людей: Плечьями трясем мы небо,/Руками зыбим мрак/И в тощий колос хлеба/Вдыхаем звездный знак [8, с. 42].

Подтверждая размышления Ф.М. Достоевского о способности русского характера ввергаться в «круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения» [6, с. 33], лирический герой в своем «падении роковом» доходит до кощунства и нигилизма, что позволяет увидеть таящуюся в национальном характере «потребность отрицания всего, самой главной святыни сердца своего,...перед которой сейчас лишь благоговел и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем» [6, с. 33]: Я иное постиг ученье/Прободающих вечность звезд.../Проклинаю дыхание Китежа/И все лошины его дорог [8, с. 61-62]. «Маленькие поэмы» 1917-1919 гг. отражают эсхатологичность национального

мышления.

Важнейшим моментом для понимания сущности национального характера является вопрос нравственных идеалов и ориентиров русского человека, устойчивость и непоколебимость которых раскрывается в образе лирического героя 1919-1920 годов. Пережив «в бытовых подробностях и мистических прозрениях трагедию русской души», ощутив бесплодность пережитых надежд и иллюзорность планов, он вновь впадает в крайность: надевает маску поэта-хулигана, который протестует против действительности и бежит от нее. Лирический герой переживает драму «русской крестьянско-христианской души, из которой было грубо вынута божественное и святое, оскорблен, раздавлен ее освященный быт».

Образ хулигана не случаен, он «глубоко укоренен в субстанциональной структуре русского национального характера» [4, с. 374], в нем сплелись «неизъяснимая душевная неудовлетворенность» (Е. Аничков), сами хулиганские выходки и то лирическое переживание этих пластов, которое ощущает в себе герой. В маске хулигана-юродивого, он пытается высказать неприятие и отрицание «перевернутой» реальности, в которой живет: Нет, уж лучше мне не смотреть,/Чтобы вдруг не увидеть хужего./Я на эту ржавую мреть/Буду щурить глаза и суживать [7, с. 159]. Выходом из этого круговорота духовных испытаний стала ориентация на свойственную крестьянскому мироощущению неразрывную связь с сущностью российского бытия, сакральным и профанный его миром.

Подводя итоги, отметим, что образ лирического героя в творчестве Есенина эволюционирует, тем самым реализуя и развивая доминанты национального характера. Ведущим фактором развития национального характера является православное исповедание христианской веры, которое имеет свои специфические особенности и реализуется в его русском варианте – народном христианстве в разных плоскостях: мировоззренческом комплексе, нравственно-этическом (поведенческом), эстетическом. Лирический герой Есенина выражает созерцательность и софийность народного мироощущения, эсхатологическое и мессианское сознание, соборное мышление, жажду духовного обогащения. Милосердие, совесть, искренность, стихийность раскрывают национальное своеобразие его характера.

Использованная литература:

1. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея: Сб. статей. – М.: Республика, 1992. – 496 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: «Сварог и К», 1997. – 540 с.
3. Вейдле В. Еще о «русской душе» // Современные записки. – Париж, 1939. – № 68. – С. 439.
4. Воронова О.Е. С. Есенин и русская духовная культура. – Рязань: Узорочье, 2002. – 520 с.
5. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 115.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – СПб.: Лениздат, 1999. – 527 с.
7. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. – Т. 1. ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука: Голос, 1995. 2001.
8. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: Т. 2.
9. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: Т. 4.